

Антоневич Александр Васильевич
(Санкт-Петербург)

АНТРОПОЛОГИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Известный русский философ Николай Бердяев, обладавший ярким публицистическим талантом, до сих пор для многих людей, как в России, так и в Зарубежье, остается выразителем православной мысли, православной антропологии. Его высказывания, звучные и яркие, зачастую цитируют без достаточной критической оценки. Но критическое рассмотрение некоторых его антропологических положений показывает, что антропология Бердяева может показаться по виду христианской для неискушенного читателя, но когда он «творчески пересматривает» святых отцов, то становится понятным, что под христианским платьем сокрыта не святоотеческая антропология.

Ключевые слова: Николай Бердяев, антропология, учение о человеке, новое религиозное сознание, неохристианство, христианский неоромантизм, объективация, свобода, творческий акт, персоналистическая метафизика.

Кому как не В. В. Зеньковскому знать какого рода христианскую антропологию проповедовал Н. Бердяев? В своей «Истории русской философии» он поместил его имя под заголовком «Религиозный неоромантизм».

На антропологические концепции Н. Бердяева сильно повлияли его увлечения многими другими отраслями знаний. Во-первых, нужно отметить влияние идей Вл. Соловьева (1853–1900), главным образом, его философии и поэзии. Вл. Соловьев, по мнению В. В. Зеньковского, заложил начало нового периода в развитии русской поэзии — неоромантизма, в частности — символизма. Рядом с именами Александра Блока, Вячеслава Иванова можно поставить имена Дмитрия Мережковского и Николая Бердяева, которых объединяет идея «нового религиозного сознания».

«Люди нового религиозного сознания... относятся с отвращением к позитивному строительству жизни, и именно потому, что это “позитивное строительство жизни” слишком связано с забвением тайны жизни, с обмирщенным сосредоточением внимания на земной веси» (цит. по: Зеньковский. 1991. Т. 2. Ч. 2, с. 56).

По своему духовному складу Н. Бердяев был романтиком, а это качество плохо сочетается с духовной жизнью, ибо романтику невозможно удержать себя в рамках религиозных догматов.

В. Зеньковский отмечает: «Когда он пришел к религии, то сейчас же прежде всего отделился от религиозной традиции и укрылся под сень “нового” религиозного сознания» (там же, с. 63).

Когда Н. Бердяева посетила мысль о «примате свободы над бытием», то ему стало совсем легко уходить в вольные парения мысли.

По мнению В. Зеньковского, у Н. Бердяева можно наблюдать дуализм философии и антропологии: с одной стороны, он утверждает, что мир есть зло, от которого нужно уйти, с другой — основоположное значение моральной сферы.

Кроме того по Бердяеву: «Цель человека не спасение, а творческое восхождение» (Бердяев. 1989, с. 336–337). И еще: «Творческий акт есть самооткровение и самоценность, не знающая над собой внешнего суда» (там же, с. 386); «Культ святости должен быть дополнен культом гениальности» (там же, с. 395).

Н. Бердяев хороший публицист, но скверный христианин и богослов. А еще он хороший эгоцентрист: «Христианство, как религия искупления, не раскрыло морального творчества» (там же, с. 465).

И вот он нам сообщает: «Творческое откровение о человеке есть единственный путь возрождения и развития омертвевшей жизни Церкви» (там же, с. 528).

В его работе «О назначении человека» панморализм буквально зашкаливает, причем мораль у Бердяева носит символический характер, потому что «этика шире той сферы, которую ей обычно отводят» (Бердяев. 1931, с. 18). А также: «Глубина бытия в себе, глубина жизни совсем не “добрая” и не “злая”, она лишь символизируется так» (там же, с. 21).

Бердяев различает три уровня этики: этику Закона (Ветхий Завет), этику искупления (Новый Завет) и этику творчества (третий завет Бердяева). Он не чувствует меры, равновесия, гармонии и его заносит то в сторону идей творчества, то в сторону идей сво-

боды. Очень трепетно относясь к своей идее творчества, он ставит ее выше всего того, что было осознано до него.

Хотя он и пишет, что в нем всегда была «влюбленность в высший мир» (Бердяев. 1995, с. 3), но невооруженным глазом видно, что в нем всегда была влюбленность в самого себя, в свои мысли, а к «низинному миру — только жалость» (там же). Ведь мир для него не есть подлинный, а только «объективация духа»: «Быть в мире есть уже падение» (Бердяев. 1934, с. 48). Он находит рабство и в самом богословии, которое учит о Боге как Господе. Как говорится, — комментарии излишни.

Бердяев сам себя заводит в тупик: «Всякое выражение творческого акта вовне попадает во власть этого мира» (Бердяев. 1995, с. 73). Он договаривается до того, что объективация ведет к «падшести» (там же, с. 22). Встает вопрос: так стоит ли стремиться к творчеству в мире? А каково творчество вне мира? У Бердяева внятного ответа нет. Его романтизм обесценивает не только саму реальность, но и слова, которые он в изобилии бросает на ветер бытия.

Когда Бердяев обратился к Церкви, он сразу отверг «историческое христианство», как не соответствующее новому времени («Самопознание» и др.). Как и Д. Мережковский, он воспринимал историческое христианство как аскетическое и считал, что теперь нужен не аскетизм, а язычество («Sub specie aeternitatis»). Впрочем, уже в «Философии свободы» он забывает об этом и хочет освободить христианство от языческого быта. Получается так, что чем больше он возвышает человека, тем больше умаляет Бога.

Антропология Бердяева очень близка к воззрению на человека Якова Бема (1575–1624): Бердяев признает первичность духа над бытием, что и приводит его к нетварности свободы и неподвластности ее Богу и к утверждению, что именно через человека происходит просветление темного начала, через «опыт зла»: «Опыт зла, избличающий его пустоту, может привести к величайшему добру» (Бердяев. 1994, с. 127). Но по его идее действительный мир невозможно освятить, ибо он есть объективация духа, поэтому нужно искать новой духовности.

Итак, ради превозношения человека Бердяев изобретает некое неохристианство, а существующее христианство его не устраивает.

Учение о личности выражено в персоналистической метафизике Бердяева, которая тоже весьма противоречива и полна тайн.

Во-первых, по Бердяеву: «Тайна человеческой личности выражена лишь на языке духовного опыта, а не на языке отвлеченной метафизики» (там же, с. 43). К тому же: «Творческая тайна сокрывается человеку и открывается человеком. Это эзотерическая тайна божественного откровения и священного писания» (Бердяев. 1989, с. 130).

Во-вторых, «человек есть дитя Божие, и дитя свободы» (Бердяев. 1931, с. 29). Да, он так и заявляет, повторяя М. Бакунина: «Человек не свободен, если он наделен свободой Богом-Творцом и ничего божественного не заключает» (там же, с. 38). Это он называет «антииерархическим персонализмом», что по сути есть плюрализм. Ведь в его понимании личности получаются очень разобщенными, «закрытыми», как до него выражался Г. Лейбниц. Чтобы затушевать эту бросающуюся в глаза разобщенность личностей, Бердяев вводит понятие «коммунитарности», т. е. общности, очень похожее на католическое «коммьюнити». Навязчивая мысль об объективации всего и вся заставляет Бердяева считать, что «монастырь есть форма социальной объективации» (Бердяев. 1934, с. 171).

В конце концов, персонализм Бердяева оказывается самозамкнутым солипсизмом. Как уже отмечалось, Бердяева мало интересовала реальность и главный его интерес сосредотачивался в сфере метафизики, в эстетических исканиях. Но и здесь романтическая установка рассеивала его дарования на разнообразные движения души.

К сожалению, он остался чужд ко всему богатству святоотеческой мысли и воспринял лишь некоторые черты Православия. В целом же, с традицией Церкви он не считался, будь то вопросы антропологии, богословия, историософии, метафизики или гносеологии.

В антропологии же идея объективации оказалась особенно деструктивной: персонализм превратился в солипсизм, идея свободы — в анархизм, моральный пафос — в «этику творчества».

Внимательный взгляд обнаружит много различий с христианством в книгах Бердяева. Например, в книге «Самопознание. Опыт философской автобиографии» он писал: «Тайна христианства не может исчерпываться тайной искупления. Искушение лишь один из актов мистерии... В опыте творчества преодолевается подавленность, раздвоенность, порабощенность внеположенностью» (Бердяев. 1999, с. 459). Но, во-первых, вовсе нет ника-

кой тайны христианства, а есть таинства. Во-вторых, ощущение творческого подъема в грехопадшем состоянии может наломать много дров в любой сфере деятельности. Поэтому надо не преодолевать подавленность, не заглушать голос души, напоминающей о неблагополучии в ней, а направлять энергию творчества на искоренение греховности.

Исследователь А. Е. Кудаев с восхищением описывает возникновение у Бердяева идеи творчества. Приведу лишь цитату из этого пространного текста: «Но благодать, как особо подчеркивает Бердяев, обычно мыслится исходящей только сверху, от Бога, тогда как на долю человека остается лишь пассивное переживание своей греховности и собственного ничтожества. Однако, такое отношение к человеку, уничтожающее его достоинство (а по сути — недостойнство — А. А.) и явилось, по мнению Бердяева, основным недостатком старого религиозного сознания. Поэтому вопрос, с его точки зрения, должен быть поставлен совершенно иначе: может ли исходить благодатная сила, преодолевающая подавленность грехом, не только от Бога, но и от человека, и может ли человек оправдать себя перед Богом не только своей покорностью, но и своей активностью, своим творческим дерзновением» (Кудаев. 2013).

Автор явно сочувствует Бердяеву, когда описывает его переживания: «Для того, чтобы произошло “возрождение жизни”, оно должно перейти в другое переживание, способное вывести человека на новый уровень. “Я понял, что сознание греховности должно переходить в со-знание творческого подъема, иначе человек опускается вниз. Это разные полюсы человеческого сознания” (Бердяев. 1999, с. 459)» (там же).

На Западе Бердяева до сих пор считают выразителем Православия, но это далеко не так. Даже в статье «Истина Православия» (Бердяев. 1952), написанной уже в конце жизни, не чувствуется, что автор глубоко понимает то, что излагает. Вроде бы и правильно пишет, но звучит это как-то вымученно и заученно.

Что же касается антропологии, то она у Бердяева выражена в книгах довоенного периода: «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934), «О рабстве и свободе человека» (1939).

В свое время архиеп. Иоанн (Шаховской) не замедлил откликнуться на одну из них в журнале «Путь» № 31 за 1931 г., кстати,

редактируемым самим Бердяевым. Статья эта называется «О назначении человека и о путях философа» (с. 53–69). Она начинается словами: «Если бы в этой книге было меньше парадоксов, ее можно было бы назвать опытом парадоксальной этики» (с. 53). Для начала — вот такой легкий каламбур. Зная самолюбивый и вспыльчивый характер главного редактора, владыка Иоанн осторожноничает, удовлетворяя для начала нарцисстические склонности философа несколькими похвалами. И дальше мы читаем: «Н. А. Бердяев — апологет свободы, и потому и мы будем свободно говорить о его книге» (с. 54) (обратите внимание на это «мы» — А. А.). И далее по поводу эпиграфа к книге: «Грусть от того, что не видишь добра в добре» (Гоголь) он замечает: «Гоголь глубоко постиг качество грусти христианина в мире сем. Конечно от этого он сжег результаты своего человечески понимаемого творчества. Бердяев проходит мимо этой трагедии творчества в мире сем, а обнаружение ее помогло бы уяснить многое в основной проблеме его парадоксальной книги» (там же). Владыка Иоанн очень деликатен, в то время как Бердяев, по сути, призывает к тому, чтобы отвлечься от осознания своей греховности, оставить все как есть и заняться другими, более «возвышенными» делами.

И еще владыка Иоанн пишет: «Поставив проблему творчества, как человеческого назначения, Н. А. Бердяеву надо было бы (соответственно-значительно) выявить ложную онтологию творчества. Это проблема как раз его этики, но она далеко не достаточно раскрыта в книге, и читатель может быть близок к впечатлению, что в понимании творчества человека автор лишь косвенно отражает апостольский опыт — опыт двухтысячелетнего христианства» (с. 55).

Не буду далее излагать эту ценнейшую статью владыки Иоанна, а посоветую самим прочитать ее внимательно: очень полезна для философствующих поклонников Бердяева.

И что же вы думаете ответил Бердяев? Он ответил статьей под заглавием «О гордости смиренных». Вот отрывок из нее: «Читая статью, я думал... о гордости смиренных, об ужасной гордости, возникающей на почве православно-аскетической, на почве монашества, ушедшего из мира...» (там же, с. 70). И еще многое другое. В этом — весь Бердяев: он хочет оставаться светским философом, и в то же время — быть христианином.

Антропология Бердяева может показаться по виду христианской для неискушенного читателя, но когда он «творчески пересматривает» святых отцов, то становится понятным, что под христианским платьем сокрыта не святоотеческая антропология.

Литература

Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 317 с.

Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Философия одиночества и общения. Париж: YMCA-PRESS, 1934. 178 с.

Бердяев Н. А. Истина Православия // Вестник русского западноевропейского экзархата. № 11. Париж, 1952. С. 4–11.

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Наука, 1989. 607 с.

Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Ч. 1. М.: Республика, 1994.

Бердяев Н. А. Царство духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 382 с.

Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии // Его же. Сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 251–604.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л.: Эко, 1991.

Иоанн (Шаховской) архиеп. О назначении человека и о путях философа // Путь. № 31. Париж, 1931. С. 53–69.

Кудаев А. Е. Метафизические и антропологические основы философии творчества Николая Бердяева // Litera. 2013. № 1. С. 1–95. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=572 (дата обращения: 20.10.2024).

Антоневич Александр Васильевич (Санкт-Петербург), канд. филос. наук, руководитель направления ЦХПА «Православная антропология Русского Зарубежья»; ale-334-2@yandex.ru.

Ссылка на публикацию:

Антоневич А. В. Антропология Николая Бердяева как отражение его личности // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы пятой всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2024 г. СПб.: ЦХПА, 2024. С. 39–45.